

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ/INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

DOI: <https://doi.org/10.60797/LAW.2026.10.5>

EDN: KPTDXY

ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ ПРИ НАЛИЧИИ ИНОСТРАННОГО ЭЛЕМЕНТА: ПРАКТИКА НОТАРИУСА И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Научная статья

Алексеев К.А.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0009-6789-2115;¹ Нотариальная контора нотариуса нотариального округа Санкт-Петербурга Кечик Натальи Петровны, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (6634048[at]elkir.ru)

Предложена: 01.03.2026; Принята: 09.04.2026; Опубликовано: 26.05.2026

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена ростом трансграничных наследственных отношений и необходимостью унификации правоприменительной практики нотариата. В исследовании анализируются противоречия наследования с иностранным элементом, с акцентом на полномочия нотариусов и толкование международных соглашений (Минской 1993 г. и Гаагской 1961 г.). Работа основана на формально-правовом и сравнительно-правовом методах, а также обобщении практики нотариата. Выявлены пробелы в процедурах взаимодействия российских нотариусов с зарубежными органами и предложены усовершенствованные подходы к сбору доказательств и легализации документов. Обоснована необходимость гармонизации наследственного права в межгосударственных отношениях.

Ключевые слова: наследственное право, иностранный элемент, нотариальная практика, коллизионные нормы, трансграничное наследование.

SPECIFICS OF ESTABLISHING INHERITANCE RIGHTS IN CASES INVOLVING A FOREIGN ELEMENT: NOTARY PRACTICE AND INTERNATIONAL LEGAL REGULATIONS

Research article

Alekseev K.A.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0009-6789-2115;¹ Legal Counsel of the Notary Office of Notary of the Notarial District of St. Petersburg Natalia Petrovna Kechik, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (6634048[at]elkir.ru)

Suggested: 01.03.2026; Accepted: 09.04.2026; Published: 26.05.2026

Abstract

The relevance of the study is due to the growth in cross-border inheritance relations and the need to standardise the legal practice of the notarial profession. The work analyses the complexities of inheritance with a foreign element, focusing on the authority of notaries and the interpretation of international agreements (the Minsk Convention of 1993 and the Hague Convention of 1961). The study is based on formal-legal and comparative-legal methods, as well as a review of notarial practice. Gaps in the procedures for interaction between Russian notaries and foreign authorities have been identified, and improved approaches to the collection of evidence and the legalisation of documents have been suggested. The need for the harmonisation of inheritance law in international relations is substantiated.

Keywords: inheritance law, foreign element, notarial practice, conflict of laws rules, cross-border inheritance.

Введение

Развитие международного оборота и высокая мобильность населения в последние десятилетия привели к качественному усложнению наследственных правоотношений. Имущество, принадлежавшее наследодателю, нередко располагается на территории нескольких государств, наследники могут иметь различное гражданство или проживать за пределами России, а сам юридический факт открытия наследства зачастую наступает в условиях, требующих применения иностранного права. Подобные ситуации, осложненные так называемым иностранным элементом, перестали быть исключительными и стали неотъемлемой частью практики российского нотариата. Согласно обобщенным данным правоприменительной практики, ежегодно рассматриваются тысячи дел, где требуется взаимодействие с компетентными органами иностранных государств, что подтверждает высокую востребованность исследований в данной области [11].

Понятие иностранного элемента в наследственном праве традиционно раскрывается через триаду признаков: субъект (наследодатель или наследник — иностранный гражданин), объект (наследственное имущество находится за рубежом) или юридический факт (смерть наступила на территории иного государства) [7, С. 45].

Многообразие возможных решений указанных коллизионных задач обуславливает критическую необходимость определения применимого права к вопросам, посвященным наследственным отношениям: оформлению завещательных распоряжений, определению перечня наследников и характеру их правомочий. Согласно положению, установленному в статье 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации, реализуется концепция двойственного

регулирования: правила о наследовании объектов недвижимости зависят от законодательства государства, на чьей территории объект расположен, тогда как права на движимые вещи наследуются по правопорядку того государства, где наследодатель пребывал в момент своей смерти. Несмотря на существование формализованных законодательством предписаний, действительность сопряжена с множеством спорных ситуаций, устранять которые предстоит нотариусу — центральной фигуре, обеспечивающей прозрачность и правомерность перехода наследственных прав и минимизацию возможных юридических двусмысленностей.

Ключевой юридический фундамент наследственных отношений на международном уровне обеспечивается преимущественно действием многосторонних соглашений с участием Российской Федерации. Одну из центральных ролей в этой сфере играет Гагская конвенция, принятая в 1961 году, посредством которой устраняется необходимость прохождения легализации официальных документов, выданных за пределами национальной юрисдикции, что оказывается важнейшим фактором в упрощении обмена нотариальными бумагами между различными странами [1]. Наряду с этим, положения Минской конвенции 1993 года регламентируют как унификацию коллизионных норм среди государств — членов СНГ, так и определяют юрисдикционные вопросы, относящиеся к взаимодействию соответствующих органов, занимающихся наследственными спорами [3].

Дополнительную роль играют двусторонние договоры о правовой помощи, которые могут детализировать порядок признания наследственных прав и исполнения запросов. Тем не менее, наличие развитой договорной базы не снимает всех проблем: сохраняются сложности, связанные с несовпадением коллизионных привязок в праве разных стран, длительностью процедур истребования доказательств, а также с необходимостью легализации и перевода документов [10, С. 112].

Нотариус, открывая наследственное дело с иностранным элементом, оказывается в центре пересечения нескольких правопорядков. Его задачи выходят далеко за рамки стандартной процедуры: требуется не только установить круг наследников и состав имущества, но и правильно определить применимое право, проверить правоспособность иностранных лиц по их личному закону, а при необходимости — организовать взаимодействие с зарубежными органами юстиции или нотариатами. Отсутствие в российском законодательстве детально прописанного алгоритма таких действий порождает риск ошибок, ведущих к отмене свидетельств о праве на наследство и нарушению прав граждан. Как отмечается в специальной литературе, пробелы в регулировании порядка сношений с иностранными учреждениями остаются одной из наиболее острых проблем современной нотариальной практики [8, С. 48].

Степень научной разработанности темы нельзя признать исчерпывающей. Отдельные аспекты трансграничного наследования рассматривались в трудах И.В. Гетьман-Павловой [7], И.Л. Корнеевой [10], М.А. Гезгиева [6], И.Б. Иловайского [8]. Вместе с тем большинство работ либо носят общетеоретический характер, либо касаются частных вопросов, не уделяя достаточного внимания практической деятельности нотариуса. Между тем именно нотариальная форма защиты наследственных прав является преобладающей, и от качества работы нотариуса напрямую зависит реализация прав граждан в трансграничных ситуациях. Это обстоятельство определяет необходимость комплексного исследования, сочетающего анализ международно-правовых норм с изучением конкретных правоприменительных ситуаций.

В рамках данной работы применялись такие универсальные методологические подходы, как диалектическое мышление и системный анализ, а также специализированные исследовательские процедуры, включающие формально-юридическую методiku, сравнительно-правовой анализ и метод интерпретации правовых положений. Эмпирическая составляющая опиралась на сведения, взятые из аналитических обзоров практической деятельности нотариусов, международных соглашений.

Основные результаты

Проведенное исследование демонстрирует, что краеугольным камнем трансграничного наследственного права является разграничение режимов движимых и недвижимых активов. Норма, зафиксированная в ст. 1224 ГК РФ, устанавливает ключевое коллизионное правило: круг вопросов, касающихся перехода прав на недвижимость, детерминируется юридическими предписаниями страны, где данный объект локализован. В свою очередь, правопреемство в отношении остального (движимого) имущества разворачивается согласно нормам государства, выступавшего последним постоянным местом пребывания умершего [4]. Данная коллизионная конструкция, заимствованная из правопорядков большинства западноевропейских стран, безусловно, способствует достижению определенности и стабильности в регулировании. Тем не менее, правоприменительная практика сталкивается с существенными затруднениями, которые обусловлены необходимостью отнесения конкретного объекта к категории движимости или недвижимости на основе критериев, установленных иностранным законодательством.

Существенный вклад в гармонизацию коллизионных норм вносят международные соглашения, стороной которых является Российская Федерация. Наибольшее практическое значение для нотариата сохраняет Минская конвенция 1993 года, регулирующая взаимодействие по гражданским, семейным и уголовным делам. В части 45 данной Конвенции закреплён принцип разграничения компетенции: производство по наследственным делам в отношении движимых активов относится к ведению юрисдикционных органов государства, где наследодатель постоянно проживал на момент смерти. Вопросы же, связанные с недвижимостью, разрешаются институтами той страны, в границах которой эта недвижимость расположена [3]. Это предписание полностью согласуется с нормами отечественного Гражданского кодекса, что создает основу для унифицированного правоприменения во взаимодействии с государствами-участниками СНГ.

Существенную роль в оптимизации нотариальных процедур играют положения Гагской конвенции 1961 г., упраздняющей необходимость дипломатической или консульской легализации официальных материалов, поступающих из-за рубежа. Введение механизма проставления апостиля заметно облегчает процесс признания

юридической значимости документов, оформленных иностранными нотариусами, регистрационными или судебными органами [1]. Однако, как демонстрирует обобщение правоприменительной практики, сохраняется проблема предъявления документов исключительно на языке страны их выдачи при отсутствии нотариально заверенного перевода. Данное обстоятельство служит основанием для приостановления или отказа в совершении нотариального действия впрямую до надлежащего оформления материалов [11].

В контексте наследственного правопреемства заслуживает внимания и Киевское соглашение 1992 г., регламентирующее механизмы разрешения споров в сфере предпринимательской деятельности. Его положения приобретают актуальность при рассмотрении вопросов перехода прав на предприятия, выступающие в качестве целостных имущественных комплексов [2].

В ходе проведенного анализа были систематизированы основные направления работы нотариуса при производстве по наследственным делам, включающим иностранный элемент.

Первоочередной задачей нотариуса является выбор надлежащего правопорядка на основе предписаний ст. 1224 ГК РФ и действующих международных соглашений [4]. Некорректное применение коллизионных норм чревато выдачей свидетельства о наследстве, которое впоследствии может быть аннулировано судом или не принято уполномоченными инстанциями другого государства.

При работе с наследниками-нерезидентами нотариус обязан руководствоваться личным законом физического лица (ст. 1195 ГК РФ), принимая во внимание особенности правоспособности и дееспособности, закрепленные в национальном законодательстве страны происхождения наследника [4]. В связи с этим возникает необходимость получения легитимных подтверждений семейного положения, отсутствия судебных запретов или ограничений, а в ряде случаев — официальных сведений о праве на обязательную долю согласно иностранным правовым нормам.

Отдельное направление представляет собой истребование информации об имуществе умершего, расположенном вне пределов РФ. Поскольку внутреннее законодательство не предлагает развернутого алгоритма действий в подобной ситуации, нотариус вынужден обращаться к механизмам, закрепленным в договорах о взаимной правовой помощи, либо инициировать запросы через центральные органы (Министерство юстиции РФ).

Как обоснованно подчеркивается в научных источниках, отсутствие единого регламента межведомственного обмена информацией существенно замедляет темпы наследственного производства и формирует дополнительные препятствия для осуществления наследниками своих прав [10, С. 112–113].

Обобщение материалов правоприменительной практики [11] позволяет сформулировать последовательность профессиональных действий нотариуса при поступлении заявления о правопреемстве нерезидента либо при обнаружении зарубежных активов умершего. В данный перечень включены:

- констатация присутствия в деле иностранного компонента;
- квалификация подлежащего применению права и определение органа, компетентного вести производство;
- оценка легитимности документов, удостоверяющих родственные связи и наличие собственности;
- разрешение вопроса об официальном удостоверении (апостилировании) и переводе материалов на соответствующий язык;
- формирование и направление официальных обращений в зарубежные инстанции для получения дополнительных данных;
- оформление итогового документа о правопреемстве в строгом соответствии с применимыми коллизионными предписаниями.

Данная пошаговая схема может быть полезна в качестве ориентира для нотариусов, впервые приступающих к ведению наследственных дел с участием международного элемента.

Проведенный посредством изучения научных трудов [8], [9] и анализа обобщенной судебной деятельности [11] эмпирический анализ позволил детализировать комплекс устойчивых затруднений, влияющих на процедуру реализации наследственных прав с привлечением иностранного элемента.

1. Одна из ключевых проблем заключается в том, что разная трактовка коллизионных норм российской и зарубежной юрисдикций способна привести к ситуации, при которой субъект будет признан наследником на основании положений отечественного законодательства, однако по нормам государства расположения имущества данное лицо утратит этот статус. Эта правовая коллизия выражается наиболее явно применительно к институту обязательной доли наследства, а также при определении круга законных наследников в правопорядках, устанавливающих различные правила очередности наследования. Особое значение, как подчеркивает И.В. Гетьман-Павлова, приобретает учет императивных положений чужого законодательства, в силу которых возможность действия российских наследственных норм по отдельным составляющим может быть устранена вовсе [7, С. 48–49].

2. В отсутствие прямых каналов коммуникации между нотариальными органами разных стран получение необходимых документов занимает от нескольких месяцев до двух лет. Направление запросов через дипломатические каналы или Министерство юстиции сопряжено с бюрократическими задержками, что особенно критично в ситуациях, требующих оперативного принятия мер к охране наследственного имущества.

3. Анализ практики Арбитражного суда Астраханской области [11] показывает, что более половины отказов в совершении нотариальных действий по делам с иностранным элементом связаны с ненадлежащим оформлением документов. Эти данные репрезентативны, поскольку, несмотря на географическую удаленность, выявленные проблемы полностью совпадают с теми, с которыми автор регулярно сталкивается в своей повседневной практике в нотариальной конторе Санкт-Петербурга. Таким образом, можно говорить об общероссийском характере данных трудностей. Основные причины отказов, систематизированные на основе обобщения [11], представлены на рисунке 1.

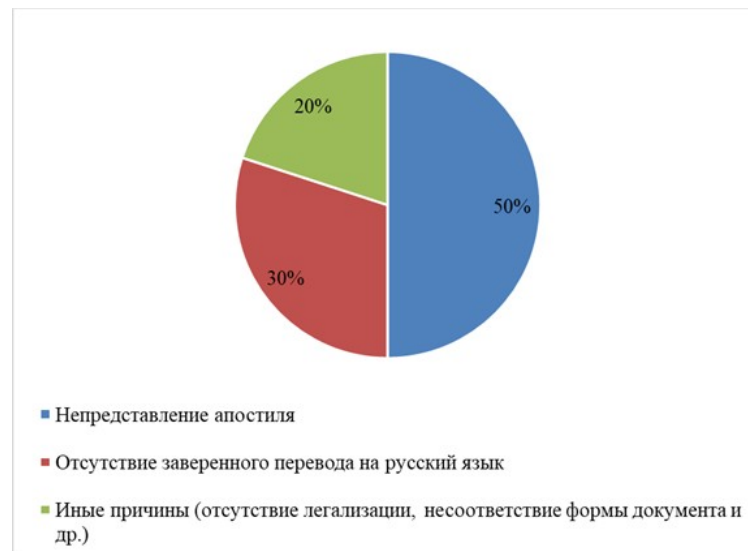

Рисунок 1 - Основные причины отказов в совершении нотариальных действий по делам с иностранным элементом
DOI: <https://doi.org/10.60797/LAW.2026.10.5.1>

При этом нотариусы зачастую занимают формальную позицию, не разъясняя заявителям возможность последующего устранения недостатков, что порождает судебные споры. Как отмечает А.З. Ишмухаметова, подобная практика противоречит принципу содействия гражданам в осуществлении их прав и требует корректировки как на уровне правоприменения, так и путем внесения изменений в методические рекомендации для нотариусов [9, С. 482].

По наблюдению И.Б. Иловайского, в законах России отсутствуют положения, устанавливающие специфику взаимодействия нотариусов с официальными структурами зарубежных государств, равно как и не предусмотрены механизмы реагирования на случаи игнорирования иностранными организациями запросов о предоставлении правовой помощи [8, С. 169–170]. Устранить данные законодательные пробелы возможно посредством разработки и принятия либо федеральных нормативных актов, либо подзаконных документов, регламентирующих и конкретизирующих процесс международного сотрудничества нотариальных органов.

Актуализация проблематики наследования предприятий, составляющих имущественный комплекс в условиях присутствия иностранного компонента, приобретает особое значение в современной юридической практике. Как отмечает М.А. Гезгиев, предприятие включает не только недвижимость и движимые объекты, но и соответствующие имущественные права наряду с возложенными обязательствами, что, в свою очередь, существенно осложняет процедуру выбора надлежащей системы права для регулирования подобных отношений [6, С. 78–80]. Функционирование структуры предприятия с активами, распределенными по различным государственным образованиям, увеличивает вероятность раздробления наследимого имущества, а также влечет за собой неодинаковое регулирование отдельных компонентов наследства согласно разночтениям национальных правовых систем.

Хотя нотариальная деятельность редко сталкивается с наследованием подобных трансграничных имущественных комплексов, характер возникающих затруднений требует от нотариального сообщества комплексного и глубокого осмысления не только юридических аспектов наследования, но и включения положений корпоративного, а также обязательственного регулирования соответствующих зарубежных юрисдикций. В качестве наиболее эффективной меры для уменьшения правовых коллизий и дальнейших рисков рекомендуется проведение предварительных консультаций с наследодателями на этапе подготовки завещательных распоряжений и системное вовлечение экспертов по международному частному праву.

Проведенный анализ подтверждает существование системных трудностей при оформлении наследственных прав в ситуациях, сопряженных с действием иностранного правопорядка. Вместе с тем исследование позволяет наметить перспективные пути преодоления выявленных барьеров. К числу приоритетных направлений относятся: модернизация нормативной основы с учетом современных реалий трансграничного оборота, внедрение детализированных практических руководств для нотариального сообщества, интенсификация межгосударственного диалога по вопросам правовой помощи, а также дальнейшая унификация коллизионных подходов в формате многосторонних международных договоров.

Обсуждение

Материал проведенного исследования позволяет не только зафиксировать постоянное наличие затруднений, возникающих при оформлении наследственных прав с участием иностранного элемента, но также и переосмыслить эти затруднения сквозь призму современных научных парадигм и сложившегося правоприменительного опыта. Состав обнаруженных преград — начиная с многоуровневых коллизионных различий и заканчивая правовыми и процедурными барьерами — выражается в системности, требуя глубокого и всестороннего междисциплинарного рассмотрения с привлечением как специалистов теоретического профиля в международном частном праве, так и профессиональных нотариусов, непосредственно сталкивающихся с подобными вопросами на практике.

Особого внимания заслуживают вопросы противоречий между национальными коллизионными нормами в регулировании наследственных правоотношений. В случае расхождения коллизионных привязок между

законодательством России и зарубежных юрисдикций наблюдается риск того, что индивидум, признанный наследником в отечественном правовом поле, может лишиться аналогичного статуса за границей. Эта дилемма, стоит отметить, не нова для правовой теории. Так, И.В. Гетьман-Павлова акцентирует на значимости рассмотрения сверхимперативных предписаний зарубежных правовых систем, которые имеют потенциал препятствовать использованию российских норм наследственного права при разрешении отдельных аспектов спорных ситуаций [7, С. 48–49].

На практике нотариус зачастую сталкивается с ситуацией недостаточной осведомленности относительно содержания зарубежного законодательства, что вынуждает его либо привлекать экспертов для получения квалифицированного заключения, либо самостоятельно принимать решения, сопряженные с определенными рисками. Концептуально разрешить подобную проблему способно было бы формирование унифицированного централизованного информационного ресурса, аккумулирующего актуальные сведения о наследственном праве иностранных государств и адаптированного под специфику деятельности нотариусов. Подобная инициатива уже находила отражение в обсуждениях, посвященных внедрению цифровых технологий в сферу нотариальных услуг.

Длительность процедур истребования доказательств, о которой говорилось выше, также заслуживает более пристального внимания. И.Л. Корнеева связывает эту проблему с отсутствием унифицированного порядка межведомственного взаимодействия [10, С. 112–113]. Действительно, направление запросов через Министерство юстиции РФ или дипломатические каналы занимает неоправданно много времени, что особенно критично, когда речь идет о мерах по охране наследственного имущества. В этом контексте показательны примеры из практики Арбитражного суда Астраханской области, где сроки рассмотрения дел существенно увеличивались именно из-за задержек при исполнении иностранных запросов [11].

Выход видится в развитии прямых каналов коммуникации между нотариальными палатами различных государств, что соответствует современным тенденциям развития Международного союза латинского нотариата. Россия, будучи членом этой организации, могла бы активнее участвовать в пилотных проектах по электронному обмену данными.

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос о языковом барьере и требованиях к легализации документов. Половина отказов в совершении нотариальных действий связана с отсутствием апостиля, а еще 30% — с ненадлежащим переводом.

А.З. Ишмухаметова в своей работе обращает внимание на то, что нотариусы зачастую занимают излишне формальную позицию, не разъясняя заявителям возможность последующего устранения недостатков [9, С. 482]. С этим выводом нельзя не согласиться. Можно отметить существование противоречия между необходимостью точного соблюдения буквы закона и задачей обеспечения гражданам реальной возможности реализовать свои права. Потенциальное устранение этой дилеммы может быть достигнуто посредством официальных разъяснений, которые Федеральная нотариальная палата вправе инициировать. Такие разъяснения способны инициировать переход нотариального сообщества от формалистского алгоритма мгновенного отказа к модели, способствующей временному отсроченному оформлению нотариальных действий для сбора недостающей документации.

Не менее актуальной остается проблематика, связанная с определением наследственных прав иностранных граждан на территории Российской Федерации. Применительно к данной категории лиц, правовой режим предопределяется статьей 1195 Гражданского кодекса Российской Федерации, устанавливающей применение личного статуса, тождественного законодательству государства, подданство которого зафиксировано за конкретным субъектом. Вместе с тем при реагировании на подобные случаи правая практика сталкивается с множеством трудностей: нередко возникающие вопросы интерпретации зарубежных законов относительно обязательной доли, распределения имущества, приобретенного в браке, а также регулирования ответственности наследников по непогашенным долгам наследодателя, требуют глубокого анализа норм иностранного происхождения и адекватного правового реагирования.

По утверждению И.Б. Иловайского, в российской нормативной базе отсутствуют специализированные положения, детально определяющие механизм взаимодействия нотариусов с инстанциями других государств в части установления содержания зарубежного законодательства [8, С. 169–170]. Преодолеть такой законодательный лакунарный аспект возможно посредством внесения поправок в Основы законодательства о нотариате, а также путем разработки и ратификации двусторонних соглашений о юридическом содействии, в которых подробно были бы отражены процедуры и стандарты обмена сведениями, касающимися национальных правовых систем.

Необходимо отметить, что особую правовую и организационную сложность представляют ситуации оформления наследства, предметом которого служит предприятие как интегрированный имущественный комплекс. Исследование М.А. Гезгиева убедительно показывает, что предприятие, включающее в себя разнородные элементы (недвижимость, движимые вещи, права требования, долги), требует особого подхода к определению применимого права [6, С. 78–80]. Если различные элементы предприятия находятся в разных юрисдикциях, возникает риск так называемой фрагментации наследственной массы, когда к отдельным частям применяются различные правовые режимы. В такой ситуации наследники могут столкнуться с невозможностью сохранить предприятие как единый функционирующий комплекс.

Представляется, что оптимальным способом минимизации этих рисков выступает предварительное планирование наследования, включая составление завещания с учетом коллизионных аспектов. Нотариус, удостоверяющий завещание, должен разъяснить наследодателю возможные последствия, связанные с трансграничным характером его имущества, и предложить правовые инструменты, позволяющие избежать дробления наследственной массы.

Нельзя обойти вниманием и международный контекст обсуждаемой проблематики. Россия не участвует в Гаагской конвенции о праве, применимом к наследованию, 1989 года, равно как и в Регламенте ЕС № 650/2012, устанавливающим единые коллизионные нормы для стран Европейского союза.

Однако это не означает, что российский нотариус может игнорировать зарубежные подходы. Напротив, понимание логики иностранного регулирования необходимо для корректного взаимодействия с нотариусами других стран и для

предвидения возможных коллизий. В связи с этим заслуживает поддержки предложение И.Б. Иловайского о включении в программы повышения квалификации нотариусов специальных модулей, посвященных международному наследственному праву [8, С. 170].

Анализ эмпирических данных свидетельствует о наличии двойственной природы затруднений, связанных с наследованием при участии иностранного элемента:

– с одной стороны, речь идет о наличии законодательных лакун и недостаточной эффективности международных договоров;

– с другой — о проблемах субъективного порядка, к числу которых относятся как ограниченность практических знаний у нотариусов, так и преобладание формализованного подхода при осуществлении процедур.

Без согласованного участия представителей законодательной власти, Федеральной нотариальной палаты, научного сообщества и нотариального корпуса перспективы преодоления выявленных затруднений существенно ограничены. Приоритет будущих научных разработок может заключаться в проведении сравнительного анализа наследственно-правового регулирования в государствах, являющихся ведущими экономическими контрагентами Российской Федерации, а также в создании типовых соглашений о межпалатном сотрудничестве между нотариальными объединениями разных стран.

Заключение

Особенности правового оформления наследства, осложненного наличием иностранного компонента, обуславливают выводы, представляющие как практическую, так и теоретико-правовую ценность. На фоне выросшего количества дел с трансграничным характером наследования и сохраняющихся сложностей взаимодействия между нотариусами и зарубежными компетентными структурами сохраняется значительный уровень правовой неопределенности, что ярко свидетельствует о востребованности дальнейших исследований в этой сфере.

Рассмотрев механизмы международно-правового взаимодействия, можно выявить, что у Российской Федерации сложилась вполне разветвленная система соглашений, обеспечивающих сотрудничество при оформлении наследственных связей, затрагивающих иностранные элементы. Так, Гагская конвенция 1961 года, устраняющая обязательность легализации документов, выданных компетентными органами других стран, и Минская конвенция 1993 года, унифицирующая коллизионные нормы между государствами СНГ, а также сеть двусторонних соглашений в области правовой поддержки, формируют прочный фундамент для признания иностранной документации и выбора применимого законодательства [1], [3].

Однако наличие подобной договорной базы не обладает самодостаточным эффектом: успешное внедрение предусмотренных международных процедур напрямую зависит от профессиональной квалификации нотариальных работников, от которых требуется не только строгое соблюдение правовых регламентов, но и оперативность при оформлении наследственных полномочий.

В ходе анализа выявлены основные сложности, возникающие у нотариусов при работе с международными наследственными делами. Среди них: трудности выбора применимого права из-за коллизионных расхождений, значительные временные затраты на истребование доказательств через иностранные органы, а также излишне формальный подход к легализации и переводу документов, обусловленный нечеткостью внутрисудебного регулирования [8], [10], [11].

Особую сложность представляет наследование предприятий как имущественных комплексов, требующее учета корпоративных и обязательственных норм нескольких стран одновременно [6].

Анализ практики показывает, что большинство отказов по международным делам вызваны дефектами оформления (отсутствие апостиля, перевода или легализации). При этом нотариусы не всегда используют право на отложение совершения действий для устранения недостатков, что влечет затяжные судебные споры и препятствует своевременной реализации наследственных прав граждан [9], [11].

В результате проведенного исследования можно выдвинуть ряд рекомендаций, призванных повысить эффективность юридического регулирования и правоприменения в сфере нотариата.

Прежде всего, актуальным представляется внесение в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате отдельной главы, в которой будут системно отражены процедуры, применяемые нотариусом при столкновении с иностранным элементом. Такая глава должна содержать строгое предписание относительно уведомления наследников о возможных обращениях в зарубежные судебные инстанции, закреплять их право осуществлять выбор применимого законодательства в допустимых законом ситуациях, а также определять регламент направления официальных запросов в органы других стран и специфику реагирования на случаи их неисполнения.

Не менее значимым направлением совершенствования можно считать разработку Федеральной нотариальной палатой унифицированных методических пособий, охватывающих весь спектр наиболее частых ситуаций, связанных с наследованием с международным компонентом. В таких материалах целесообразно предусмотреть стандартные шаблоны обращений, детальные алгоритмы для нотариусов при обнаружении имущества за пределами России, наличии наследников-нерезидентов или завещания, составленного с учетом иностранного права, а также посвятить отдельные разделы вопросам юридической легализации и перевода сопутствующих документов.

В рамках международного взаимодействия необходимым видится интенсификация заключения двусторонних соглашений о правовой поддержке, в которых бы находили отражение все ключевые аспекты наследственного права, а также дальнейшее развитие непрерывного диалога между нотариальными палатами разных стран посредством прямого информационного обмена. Членство России в Международном союзе латинского нотариата в данном контексте формирует благоприятную базу для реализации подобных инициатив.

В заключение, для повышения профессиональной компетенции нотариусов целесообразно интегрировать в образовательные программы специализированные курсы, фокусирующиеся на международном наследственном праве

и выбору применимых коллизионных норм. Введение таких учебных модулей окажет существенное влияние на корректность квалификации правоотношений и точность определения релевантного законодательства при рассмотрении транснациональных наследственных дел.

Обработка наследственных дел, сопряженных с иностранным компонентом, демонстрирует многоуровневую и усложненную структуру, в рамках которой нотариус вынужден оперировать не только нормами национального законодательства, но и обладать высоким уровнем компетенции в сфере международных договорных обязательств, коллизионного регулирования, порядка легализации и аналитического понимания специфики зарубежных правовых систем. Обнаруженные посредством анализа сложности имеют интегрированный характер и требуют согласованного участия как правотворческих органов и Федеральной нотариальной палаты, так и научных специалистов совместно с профессиональным сообществом нотариусов, поскольку их изолированное устранение маловероятно.

Представляется перспективным, чтобы дальнейшая работа исследователей была сфокусирована на сравнительной оценке наследственно-правовых институтов государств, входящих в число ключевых экономических партнеров Российской Федерации, а также на детализации практик реализации международных соглашений и конструировании типовых нормативных моделей, способствующих гармонизации урегулирования трансграничных наследственных отношений в рамках СНГ и Евразийского экономического союза. Внедрение разработанных направлений позволит снизить возможности возникновения конфликтов прав наследников, ускорить прохождение процедур и придать устойчивость гражданско-правовому обороту в условиях возрастающей динамики перемещения имущества и капиталов между юрисдикциями.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов (заключена в г. Гааге 05.10.1961, присоединение СССР 17.04.1991, вступила в силу для РФ 31.05.1992). — 1993. — № 6.
2. Соглашение стран СНГ от 09.10.1992 «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» (Киевское соглашение) // Содружество: информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. — 1992. — № 4.
3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22.01.1993, ред. от 26.06.2025) // Бюллетень международных договоров. — 1995. — № 2.
4. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) : федеральный закон № 146-ФЗ от 26.11.2001 (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 20.02.2026) // Российская газета. — 1993.
6. Гезгиев М.А. Наследование предприятия по гражданскому праву Российской Федерации / М.А. Гезгиев. — Москва : Юрлитинформ, 2020. — 200 с.
7. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право : учебник для вузов / И.В. Гетьман-Павлова. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2026. — 511 с.
8. Иловайский И.Б. Правовое регулирование брачно-семейных отношений с иностранным элементом : учебно-методическое пособие / И.Б. Иловайский. — Волгоград : Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2022. — 169 с.
9. Ишмухаметова А.З. Наследование в нотариальной практике / А.З. Ишмухаметова // Молодой ученый. — 2015. — № 19(99). — С. 481–483.
10. Корнеева И.Л. Наследственное право : учебник и практикум для вузов / И.Л. Корнеева. — 6-е изд., испр. — Москва : Юрайт, 2025. — 184 с.
11. Обобщение практики рассмотрения дел с участием иностранных лиц // Арбитражный суд Астраханской области. — 2024. — URL: <https://astrahan.arbitr.ru/material/159558> (дата обращения: 08.03.2026).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Konventsiya, otmenyayushchaya trebovaniye legalizatsii inostrannykh ofitsial'nykh dokumentov [Convention Abolishing the Requirement of Legalisation for Foreign Public Documents] (concluded in The Hague on 05.10.1961, accession of the USSR on 17.04.1991, entered into force for the Russian Federation on 31.05.1992). — 1993. — No. 6. [in Russian]
2. Soglasheniye stran SNG ot 09.10.1992 "O poryadke razresheniya sporov, svyazannykh s osushchestvleniyem khozyaystvennoy deyatel'nosti" (Kiyevskoye soglasheniye) [Agreement of the CIS Countries of 09.10.1992 "On the Procedure for Resolving Disputes Related to the Implementation of Economic Activities" (Kyiv Agreement)] // Sodruzhestvo: informatsionnyy vestnik Soveta glav gosudarstv i Soveta glav pravitel'stv SNG [Commonwealth: Information Bulletin of the Council of Heads of State and the Council of Heads of Government of the CIS]. — 1992. — No. 4. [in Russian]

3. Konventsiya o pravovoy pomoshchi i pravovykh otnosheniyakh po grazhdanskim, semeynym i ugovnym delam [Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters] (concluded in Minsk on 22.01.1993, as amended on 26.06.2025) // Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov [Bulletin of International Treaties]. — 1995. — No. 2. [in Russian]
4. Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' tret'ya) [Civil Code of the Russian Federation (Part Three)] : federal Law No. 146-FZ of 26.11.2001 (as amended on 08.08.2024) // Sobraniye zakonodatel'stva RF [Collection of Legislation of the Russian Federation]. — 2001. — No. 49. — Art. 4552. [in Russian]
5. Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. Osnovy zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii o notariate [Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries] : approved by the Supreme Court of the Russian Federation on 11.02.1993 No. 4462-1 (as amended on 20.02.2026) // Rossiyskaya gazeta [Russian Gazette]. — 1993. [in Russian]
6. Gezgiev M.A. Nasledovaniye predpriyatiya po grazhdanskomu pravu Rossiyskoy Federatsii [Inheritance of an enterprise under the civil law of the Russian Federation] / M.A. Gezgiev. — Moscow : Yurlitinform, 2020. — 200 p. [in Russian]
7. Getman-Pavlova I.V. Mezhdunarodnoye chastnoye pravo [Private international law] : textbook for universities / I.V. Getman-Pavlova. — 7th ed., rev. and suppl. — Moscow : Yurayt, 2026. — 511 p. [in Russian]
8. Ilovaisky I.B. Pravovoye regulirovaniye brachno-semeynykh otnosheniy s inostrannym elementom [Legal regulation of family relations with a foreign element] : educational and methodological manual / I.B. Ilovaisky. — Volgograd : Publishing House of the Volgograd Institute of Management – Branch of RANEPА, 2022. — 169 p. [in Russian]
9. Ishmukhametova A.Z. Nasledovaniye v notarial'noy praktike [Inheritance in notarial practice] / A.Z. Ishmukhametova // Molodoy uchenyy [Young Scientist]. — 2015. — No. 19(99). — P. 481–483. [in Russian]
10. Korneeva I.L. Nasledstvennoye pravo [Inheritance law] : textbook and workshop for universities / I.L. Korneeva. — 6th ed., rev. — Moscow : Yurayt, 2025. — 184 p. [in Russian]
11. Obobshcheniye praktiki rassmotreniya del s uchastiyem inostrannykh lits [Summary of the practice of considering cases involving foreign persons] // Arbitration Court of the Astrakhan Region. — 2024. — URL: <https://astrahan.arbitr.ru/material/159558> (accessed: 08.03.2026). [in Russian]